

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2008 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/97/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2008 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
МУСИХАНОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ
(Жалоба №27243/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ

4 декабря 2008 года

*Текст постановления был отредактирован 27 июля 2009 года
в соответствии с Правилom 81 Регламента Суда*

ВСТУПИЛО В СИЛУ

5 июня 2009 года

В деле “Мусиханова и другие против России”,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штейнер,
Ханлар Хаджиев,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс
Джорджи Малинверни, *судьи*,
и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,
Заседая 13 ноября 2008 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний
вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№23243/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») одиннадцатью гражданами Российской Федерации, названными в приложении («заявители») 11 июля 2003 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" ("SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России.

Правительство Российской Федерации («Правительство») представляли г-н П.Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие Представители Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, на то, что их родственник исчез после непризнаваемого задержания, и что по данному факту не проводилось адекватное расследование. Они также жаловались на душевные страдания, пережитые ими из-за случившегося и в связи с отсутствием эффективных средств защиты от подобных нарушений. Заявители ссылались на Статьи 2, 3, 5 и 13 Конвенции.

4. 29 августа 2004 года Президент Первой секции принял решение в соответствии с Правилом 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Решением от 10 августа 2007 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство согласно Правилу 59 § 3 дали письменные ответы на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Первые двое заявителей – супружеская пара. У них четверо сыновей – девятый, десятый и одиннадцатый заявители и Вахид Вахаевич Мусиханов, 1976 года рождения. Последний был женат на третьей заявительнице. У них был четверо детей - четвертый, пятый, шестой и седьмой заявители (младший ребенок родился через месяц после исчезновения Вахида Мусиханова). Восьмая заявительница – сестра второго заявителя.

8. Заявители проживают в г. Урус-Мартан, Чеченская Республика.

A. Факты

1. Задержание Вахида Мусиханова

9. 9 ноября 2002 года, около 2 или 3 часов ночи, вооруженные люди в камуфляжной форме и масках ворвались в дом № 6 по ул. Кавказская, где проживали Вахид Мусиханов и его семья. В доме в этот момент находились Вахид Мусиханов, его невестка и все заявители, кроме второго и восьмого. По словам заявителей, люди, ворвавшиеся в их дом, были военнослужащими федеральных войск, поскольку говорили на русском языке без акцента и могли свободно передвигаться, несмотря на комендантский час. Согласно информации, предоставленной Правительством, это были «неустановленные люди в масках и камуфляжной форме, вооруженные автоматами».

10. Эти люди, у которых с собой были автоматы и фонарики, не предъявили удостоверений или каких-либо документов в обоснование своих действий. Они велели всем лечь на пол и обыскали дом. Они заперли женщин в одной комнате и собрали мужчин Мусихановых в другой.

Военные велели мужчинам Мусихановым молчать, не двигаться и проверили их документы. По словам десятого и одиннадцатого заявителей, когда они шевелились, военные били их по лицу прикладами и ногами, в результате чего у одиннадцатого заявителя пошла кровь.

11. Проверив документы, военные велели Вахиду Мусиханову одеться и увели его. Первая заявительница попыталась предотвратить задержание сына, но ей сказали, что Вахид Мусиханов вернется после того, как покажет строения во дворе. Затем военные заперли входную дверь на улицу снаружи железной трубой. Несколько минут спустя дверь открыл восьмой заявитель, живший по соседству, и выпустил находившихся в доме людей. С этого времени заявители не имеют никакой информации о судьбе Вахида Мусиханова.

2. Поиски заявителями Вахида Мусиханова

12. Утром 9 ноября 2002 года заявители обратились в администрацию Урус-Мартановского района и в военную комендатуру Урус-Мартановского района с вопросами о Вахиде Мусиханове. Они не получили никакой существенной информации.

13. Как сообщает второй заявитель, он попросил дальнего родственника, у которого были знакомые в Урус-Мартановской военной комендатуре, выяснить что-нибудь относительно задержания сына заявителя. Через несколько дней родственник сообщил второму заявителю, что Вахид Мусиханов был задержан на основании анонимного письма, в котором он обвинялся в уголовных преступлениях, после чего Вахид Мусиханов предположительно находился под стражей в Урус-Мартановской военной комендатуре. Второй заявитель также беседовал с одним из работников местных органов власти, который подтвердил, что Вахид Мусиханов действительно содержался под стражей в Урус-Мартановской военной комендатуре. Представители SRJI уведомили Суд, что располагают сведениями о личности сообщивших эту информацию родственнике Мусиханова и представителе государственной власти, однако на данный момент эти сведения раскрыты не будут, чтобы обеспечить безопасность указанных двух лиц и самих заявителей.

14. Начиная с 9 ноября 2002 г., заявители неоднократно обращались лично и письмами в различные государственные органы, в том числе в прокуратуры разного уровня, к Президенту России, в административные органы Чеченской Республики, в Урус-Мартановскую военную комендатуру, в Урус-Мартановский городской суд. В этом им помогала организация SRJI. В своих письмах в органы власти заявители и SRJI ссылались на обстоятельства задержания Вахида Мусиханова и просили оказать содействие и сообщить информацию о ходе следствия. Большинство этих запросов остались без ответа или ответами были формальные отписки, в которых сообщалось, что заявление передано на рассмотрение в различные органы прокуратуры.

3. Официальное расследование

15. 15 ноября 2002 г. прокуратура Урус-Мартановского района возбудила уголовное дело по факту исчезновения Вахида Мусиханова по

статье 126 п. 2 УК РФ (похищение человека группой лиц с применением оружия). Делу был присвоен номер 61149.

16. В процессе производства следствия по данному делу Урус-Мартановская прокуратура направила запросы руководителям ряда государственных органов, в том числе в Урус-Мартановскую военную комендатуру, в войсковую часть 6779, в отдел УФСБ РФ по ЧР в Урус-Мартановском районе и в районные отделы внутренних дел Чеченской Республики. Руководителей этих государственных органов просили сообщить, проводились ли их подчиненными мероприятия, направленные на задержание Вахида Мусиханова и что, в случае положительного ответа, явилось основанием для его задержания, возбуждено ли в отношении Вахида Мусиханова уголовное дело, избрана ли мера пресечения в связи с его арестом. 19 ноября 2002 г. Урус-Мартановская прокуратура запросила у МВД информацию о том, был ли Вахид Мусиханов ранее судим.

17. 20 и 23 ноября 2002 г. соответственно, из отдела УФСБ РФ по ЧР в Урус-Мартановском районе и из войсковой части 6779 пришли ответы, что их сотрудники не задерживали Вахида Мусиханова, и у них нет информации о его местонахождении. Из Урус-Мартановской военной комендатуры ответа не поступило.

18. 4 декабря 2002 г. и 1 января 2003 г., соответственно, из Урус-Мартановского и Шатойского РОВД пришли ответы, что Вахид Мусиханов не был задержан их сотрудниками и не числился в списках доставленных и задержанных. По словам заявителей, Урус-Мартановская прокуратура позднее уведомила их, что аналогичные ответы пришли из всех остальных РОВД Чеченской Республики.

19. 20 декабря 2002 г. прокуратурой Чеченской Республики обращение второго заявителя относительно похищения его сына было направлено в Урус-Мартановскую районную прокуратуру для расследования. В ответ 25 декабря 2002 г. Урус-Мартановская прокуратура сообщила, что по факту похищения Вахида Мусиханова «неустановленными вооруженными людьми в камуфляжной форме» было возбуждено уголовное дело № 61149.

20. Решением от 15 января 2003 г. Урус-Мартановской прокуратурой было принято постановление о признании первой заявительницы потерпевшей по уголовному делу № 61149.

21. 21 января 2003 г. Урус-Мартановская прокуратура уведомила первую заявительницу о том, что уголовное дело, возбужденное по факту похищения ее сына, было приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

22. 3 февраля 2003 г. в ответ на запрос Урус-Мартановской районной прокуратуры из Урус-Мартановского ВОВД пришло сообщение, что установить местонахождение Вахида Мусиханова не представляется возможным, но поиски продолжаются.

23. В письме от 6 марта 2003 г. прокуратура Чеченской Республики уведомила второго заявителя, что производство предварительного следствия по делу № 61149 возобновлено 26 февраля 2003 г., установлен срок дополнительного следствия до 26 марта 2003 г. В письме также говорилось, что расследование по делу взято на контроль в прокуратуре Чеченской Республики.

24. 1 апреля 2003 г. Администрация Чеченской Республики уведомила второго заявителя о том, что его обращение в связи с исчезновением сына направлено для принятия мер в военную прокуратуру и в прокуратуру Чеченской Республики.

25. 3 апреля 2003 г. Урус-Мартановская районная прокуратура уведомила первую заявительницу, что уголовное дело, возбужденное по факту похищения Вахида Мусиханова, приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, но при этом принимаются меры к его розыску.

26. Письмом от 5 апреля 2003 г. военная прокуратура Объединенной группы войск направила заявление второго заявителя в военную прокуратуру войсковой части 20102.

27. 7 апреля 2003 г. второй заявитель обратился в Урус-Мартановскую прокуратуру с просьбой сообщить ему о ходе следствия по уголовному делу № 61149 и признать его и третью заявительницу потерпевшими по данному делу. В ответ на это в письме от 18 апреля 2003 г. из Урус-Мартановской прокуратуры заявителю сообщили об основных следственных действиях по уголовному делу № 61149 и уведомили его, что 26 марта 2003 г. следствие было приостановлено в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступления.

28. 25 апреля 2003 г. из прокуратуры Чеченской Республики в ответ на запрос второго заявителя ему еще раз сообщили, что следствие по делу о похищении его сына было приостановлено 15 января 2003 г. в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, и что по делу проводится комплекс мер оперативно-розыскного характера, направленных на раскрытие преступления.

29. В письме от 15 мая 2003 г. прокуратура Чеченской Республики уведомила третью заявительницу о том, что хотя прокуратурой проводятся все необходимые следственные действия, местонахождение ее мужа, а также лиц, совершивших его похищение, установить не представляется возможным.

30. 18 июня 2003 г. первая заявительница обратилась в Урус-Мартановскую прокуратуру с вопросом о том, признаны ли второй заявитель и третья заявительница потерпевшими по уголовному делу № 61149. Письмом от 20 июня 2003 г. из Урус-Мартановской прокуратуры первую заявительницу уведомили о том, что она признана потерпевшей и поэтому имеет право ознакомиться с материалами уголовного дела. В письме ничего не сообщалось о том, признаны ли потерпевшими по данному уголовному делу второй заявитель и третья заявительница.

31. По словам первой заявительницы, она ознакомилась с материалами уголовного дела в июле 2003 г. и обнаружила, что они содержали только протокол ее допроса, а также запросы, направленные Урус-Мартановской прокуратурой в различные правоохранительные органы, и ответы, полученные от некоторых из них.

32. 3 июля 2003 г. на запрос третьей заявительницы от 27 марта 2003 г. из Урус-Мартановской военной комендатуры поступил ответ, в котором заявительницу уведомили, что по ее заявлению о похищении мужа была проведена служебная проверка и что военная комендатура не располагает

никакими сведениями о местонахождении ее мужа, причинах его задержания и личности тех, кто производил задержание.

33. 5 ноября 2003 г. организация SRJI обратилась в Урус-Мартановскую прокуратуру с просьбой сообщить о состоянии уголовного дела № 61149 и возобновить предварительное следствие. 27 ноября 2003 г. из прокуратуры Чеченской Республики пришел ответ о том, что предварительное следствие по делу было приостановлено 26 марта 2003 г. в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, но вместе с тем мероприятия, направленные на установление местонахождения Вахида Мусиханова, продолжаются.

34. В период с 26 марта 2003 г. по 9 августа 2003 г. производство по уголовному делу по-прежнему было приостановлено и, по-видимому, никаких новых событий в деле не произошло.

35. 7 июня 2005 г. данная жалоба была коммуницирована Правительству.

36. Письмом от 9 августа 2005 г. Урус-Мартановская прокуратура уведомила первую заявительницу о том, что предварительное следствие по уголовному делу № 61149 было в тот день возобновлено.

37. Правительство со ссылкой на сведения, полученные из Генеральной прокуратуры, сообщило, что жалоба третьей заявительницы о похищении мужа была получена прокуратурой Урус-Мартановского района 10 ноября 2002 г. и 15 ноября 2002 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 126 УК РФ (похищение человека при отягчающих обстоятельствах). Затем предварительное следствие было приостановлено 15 января и 26 марта 2003 г., и 9 сентября 2005 г., а возобновлено, соответственно, 26 февраля 2003 г., 9 августа и 21 октября 2005 г., однако установить лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, пока не удалось.

38. Согласно информации, предоставленной Правительством, 26 ноября 2002 г. следственными органами были допрошены первая и третья заявительницы, а 15 января 2003 г. первая заявительница была признана потерпевшей. Второй заявитель был допрошен в качестве свидетеля 26 и 28 февраля 2003 г. Помимо первых трех заявителей были допрошены двое соседей семьи Мусихановых. По всей видимости, никакие другие свидетели в ходе следствия допрошены не были.

39. Согласно утверждениям Правительства, следствием неоднократно запрашивалась информация у различных компетентных органов. В частности, 19 ноября 2002 г. следователь направил запросы о местонахождении Мусиханова в отдел УФСБ РФ по ЧР в Урус-Мартановском районе, в военную комендатуру Урус-Мартановского района и руководителю временной оперативной группировки отделов и подразделений МВД России в Чеченской Республике. Из названных государственных органов 24 и 25 ноября 2005 г. были получены ответы, в которых говорилось, что сотрудники ни одного из них не задерживали родственника заявителей, что в отношении него не проводились специальные мероприятия и не осуществлялось уголовное преследование. 20 ноября 2002 г. следователь направил такие же запросы в несколько районных отделов МВД в Чеченской Республике. В период с 20 ноября

2002 г. и 1 января 2003 г. от них были получены ответы, аналогичные приведенным выше.

40. 26 марта 2003 г. следственные органы направили запросы руководителю Объединенной группы войск и в военную комендатуру Министерства обороны РФ о возможной причастности военнослужащих к задержанию родственника заявителей. Неясно, были ли получены какие-либо ответы на эти запросы. Правительство утверждало, что возможность причастности военнослужащих федеральных сил к исчезновению Вахида Мусиханова проверялась, но никакие доказательства в подтверждение этой версии не были получены.

41. В период с 12 по 24 августа 2005 г. следователь направил в районные и городские органы прокуратуры Чеченской Республики запросы о неопознанных трупах, чтобы установить, нет ли среди них тела Вахида Мусиханова. Кроме того, в период с 25 августа по 7 октября 2005 г. следователь направил запросы в несколько следственных изоляторов в соседних с Чеченской Республикой регионах, чтобы выяснить, не числятся ли Вахид Мусиханов среди содержащихся там лиц. Неясно, были ли получены ответы на какие-либо из этих запросов.

3. Обращение заявителей в суд.

42. 25 ноября 2002 г. третья заявительница обратилась в городской суд Урус-Мартана с просьбой установить местонахождение похищенного мужа. На эту просьбу, по всей видимости, суд никак не отреагировал.

43. 20 августа 2003 г. организация SRJI, действуя от имени заявителей, обратилась к председателю Урус-Мартановского городского суда с просьбой сообщить о результате рассмотрения заявления третьей заявительницы от 25 ноября 2002 г. и если оно рассмотрено, направить ей копию судебного постановления.

44. Решением от 10 декабря 2003 г. Урус-Мартановский городской суд по просьбе третьей заявительницы признал ее мужа Вахида Мусиханова безвестно отсутствующим, подтвердив, что он исчез после похищения "неустановленными вооруженными лицами" 9 ноября 2002 г.

В. Запросы Судом материалов уголовного дела

45. В июне 2005 года, когда жалоба была коммуницирована Правительству, Суд просил его представить копии материалов уголовного дела №61149, возбужденного по факту похищения Вахида Мусиханова. Правительство отказалось предоставить копии всех материалов уголовного дела, утверждая со ссылкой на Генеральную прокуратуру, что следствие по делу продолжается и что направление в Европейский Суд копии уголовного дела противоречит требованию статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку в материалах дела имеются сведения, содержащие военную тайну, а также данные и адреса участников уголовного судопроизводства. В то же время Правительство указало на возможность ознакомления делегации Европейского Суда с документами уголовного дела, за исключением документов [содержащих военную тайну и личные данные участников уголовного судопроизводства], во время ее пребывания в

Российской Федерации по месту производства предварительного расследования «без предоставления права копирования документов и передачи их другим лицам». В октябре 2005 года Суд повторил свой запрос и сослался на применение Правила 33 § 3 Правил Суда. В ответ Правительство представило несколько документов, но отказалось представить все материалы дела по вышеуказанным причинам.

46. Правительство представило 17 документов, в том числе:

- (a) перечень документов, содержащихся в уголовном деле № 61149, из которого можно заключить, что в деле находилось, по крайней мере, 132 документа на 150 страницах;
- (b) постановление от 15 ноября 2002 г. о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения Вахида Мусиханова;
- (c) решение от 15 января 2003 г. о признании первой заявительницы потерпевшей по уголовному делу № 61149;
- (d) постановления о приостановлении и возобновлении производства по уголовному делу № 61149;
- (e) решение следователя от 9 августа 2005 г. о возобновлении уголовного дела № 61149;
- (f) письма с уведомлениями первой заявительницы и второго заявителя о приостановлении и возобновлении расследования уголовного дела № 61149.

47. 10 июля 2007 г. жалоба была признана частично приемлемой. На этой стадии Суд снова призвал Правительство представить материалы уголовного дела и запросил информацию о ходе расследования после октября 2005 года. В ответ Правительство отказалось представить какие-либо документы из материалов уголовного дела и оставило без ответа вопрос Суда о продвижении по делу.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

48. См. изложение соответствующего национального законодательства в постановлении по делу *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, §§ 67-69, 15 ноября 2007

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

49. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств. Оно утверждало, что расследование по делу еще не окончено и что заявители

могли в соответствии со Статьей 125 УПК РФ обжаловать в суде действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов во время проведения расследования, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты.

50. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что административная практика, состоящая в продолжающейся неспособности властей осуществлять адекватные расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне, сделала все потенциально эффективные средства правовой защиты неадекватными и иллюзорными в данном случае. В связи с этим они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, считающими себя жертвами подобных нарушений, а также на документы Совета Европы, доклады НПО и СМИ. Заявители также оспорили, что были обязаны прибегать к средству защиты, упомянутому Правительством, так как его эффективность в их ситуации была крайне сомнительна. Они заявили, что использовали все возможные средства, но они оказались безуспешными.

В. Оценка Суда

51. В настоящем деле, в решении о 10 июля 2007 года Суд не указал, что вопрос исчерпания внутригосударственных средств защиты тесно связанным с существом дела и будет рассмотрен вместе с решением по существу. Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда.

52. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты согласно Статье 35 § 1 Конвенции налагает на Заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике - в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые впоследствии подаются в Суд, первоначально подавались в надлежащие национальные органы, по крайней мере, по существу вопроса и в соответствии с официальными требованиями национального законодательства, и чтобы вначале были предприняты все процессуальные шаги, которые могут предотвратить нарушение Конвенции. Однако заявитель не обязан прибегать к средству правовой защиты, которое неадекватно или неэффективно (см. *Aksoy v. Turkey* постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996 VI, стр. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 16 сентября 1996 г., *Отчеты 1996 IV*, стр. 1210, § 65-67; и из последних по времени, *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, №41964/98, § 64, 27 июня 2006 г.).

53. В настоящем деле, что касается довода Правительства о том, что уголовное дело еще находится в производстве и что заявители не жаловались в суд на действия или бездействия следственных органов или других правоохранительных структур в ходе расследования в соответствии

со Статьей 125 УК РФ, Суд, во-первых, считает, что Правительство не указало, какие именно действия или бездействия следователей заявители должны были обжаловать перед судом. И, кроме того, Суд считает, что это возражение непосредственно связано с вопросом об эффективности расследования, а потому Суд считает уместным обратиться к нему в рамках рассмотрения по существу жалоб заявителей на нарушение Статьи 2 Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

54. Заявители жаловались на нарушение права на жизнь в отношении их родственника Вахида Мусиханова. Они утверждали, что обстоятельства его исчезновения и длительный период, в течение которого его местонахождение не установлено, означает, что Вахид Мусиханов был убит федеральными силами. Заявители жаловались также, что государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Они сослались на Статью 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение данной статьи, если оно является результатом применения силы, абсолютно необходимой:

- (а) для защиты любого лица от незаконного насилия;
- (b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Заявленное нарушение права на жизнь

1. Доводы сторон

55. Заявители утверждали, что вне разумных сомнений лица, задержавшие их родственника 9 ноября 2002 года, были представителями федеральных сил и что, после задержания, Вахид Мусиханов был под контролем Государства. Заявители также жаловались, что их родственник был похищен при угрожающих жизни обстоятельствах, так как в Чечне была широко распространена практика того, что сразу после своего задержания представителями государства люди немедленно либо через короткий период времени были убиты, а не доставлялись в места содержания под стражей. Они также указали, что Правительство отказалось дать правдоподобные объяснения о судьбе Вахида Мусиханова. Заявители считали, что Вахид Мусиханов должен считаться умершим по причине отсутствия достоверных сведений о нем в течение нескольких лет, и что таким образом в данном случае имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции.

56. Правительство утверждало, ссылаясь на информацию, представленную Генеральной прокуратурой, что российскими властями не

установлены лица, похитившие Вахида Мусиханова. В своих замечаниях, Правительство указало, что в материалах уголовного дела нет доказательств того, что представители федеральных сил или спецслужб проводили какую-либо спецоперацию вблизи дома семьи Мусихановых в указанный период. Правительство также утверждало, что второй заявитель никогда не уведомлял следственные органы о его контактах с местными властями, которые предположительно подтвердили факт задержания ими Вахида Мусиханова (см. пункт 13 выше). Правительство настаивало, что до тех пор, пока не установлены обстоятельства его похищения и не установлены преступники, нет оснований заявлять о нарушении Государством права на жизнь Вахида Мусиханова по Статье 2 Конвенции. По данному вопросу Правительство также обратило внимание Суда на то, что членами действующих на территории Чеченской Республики бандформирований активно используются различные способы сокрытия своего участия в диверсионно-террористической деятельности и фактов вербовки в свои ряды новых членов, в том числе «заведомо ложное распространение сведений об их исчезновении из мест постоянного проживания и причастности к этому военнослужащих федеральных сил». Кроме того, такие ложные сведения, как утверждало Правительство, используются «представителями международных террористических организаций, главарями бандформирований и их эмиссарами за рубежом в информационно-пропагандистских целях против органов государственной власти Российской Федерации».

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

57. Суд напоминает о том, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении и обязанность властей дать отчет об обращении с лицом, заключенным под стражу, в случае, когда указанное лицо умирает или исчезает после задержания, является особенно строгой (см., в числе прочих, *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 326, 18 июня 2002, а также указанные в деле прецеденты). В случаях, когда власти полностью или частично исключительно осведомлены о событиях, составляющих предмет спора, как в случае с задержанными лицами, находящимися под их контролем, появляются твердые фактические презумпции в отношении увечий и смерти задержанных в период содержания их под стражей. Фактически, бремя доказывания может быть возложено на власти, которые должны дать удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Cakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

58. В настоящем деле, Суд отмечает, что хотя Правительство отрицало ответственность Государства за похищение и исчезновение родственника заявителей, оно подтвердило основные факты, подчеркнутые заявителями в их версии событий. В частности, обе стороны сообщили, что Вахид

Мусиханов был похищен из дома мужчинами в масках и камуфляжной форме, вооруженными автоматическим оружием в ночные часы 9 ноября 2002 года. Поэтому в первую очередь необходимо установить были ли вооруженные люди представителями федеральных сил.

59. Суд обращает внимание на тот факт, что, несмотря на его неоднократные запросы, копии дела о похищении Вахида Мусиханова, Правительство ему не предоставило, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал данное объяснение неудовлетворительным в качестве оправдания отказа в предоставлении ключевой информации, затребованной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-...). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

60. Суд считает, что заявители представили убедительную и последовательную картину похищения их родственника 9 ноября 2002 года. Заявители, многие из которых были очевидцами случившегося, показали, что похитители вели себя таким же образом, как в ходе проведения спецоперации. В частности, они прибыли группой в ночное время, проверили паспорта у мужчин, живущих в доме, и обыскали дом. Также они говорили на русском языке без акцента. По мнению Суда, тот факт, что группа вооруженных людей в камуфляжной форме свободно передвигалась во время комендантского часа и задержала человека в собственном доме, является веским подтверждением позиции заявителей, что похитители были представителями федеральных сил.

61. Суд считает, что в случае, когда заявители предоставлены доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), а отсутствие необходимых документов мешает Суду дать фактическое заключение, Правительство должно убедительно аргументировать, почему документы, о которых идет речь, не могут служить подтверждением заявлений, сделанных заявителями, или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как происходили указанные события. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно не сможет предоставить убедительные аргументы, возникают вопросы в соответствии со Статьей 2 и/или Статьей 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

62. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен тем, что заявители предоставили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственник был задержан Государственными военными служащими. Заявление Правительства, что следствие не обнаружило каких бы то ни было доказательств участия в похищении войск специального назначения, является недостаточным для того, чтобы освободить Правительство от вышеупомянутого бремени доказывания. Суд также скептически относится к заявлению Правительства о возможной причастности Вахида Мусиханова к незаконным вооруженным формированиям, так как это утверждение не подтверждено никакими документами. Делая выводы из отказа Правительства раскрыть документы, находящиеся в его исключительном

владении, или предоставить иное правдоподобное объяснение событий, о которых идет речь, Суд полагает, что Вахид Мусиханов был задержан 9 ноября 2002 года агентами Государства.

63. Далее Суд указывает на то, что никакой достоверной информации о родственнике заявителей не с этого времени. Его имя не было обнаружено ни в одном официальном отчете ни одного места заключения. Внутреннее расследование исчезновения Вахида Мусиханова, которое велось несколько лет, не сделало значимых результатов относительно его судьбы. Наконец, Правительство не предоставило никакого объяснения, что случилось с ним после его задержания.

64. Принимая во внимание рассмотренные ранее дела об исчезновении людей в Чечне (см., например, *Imakayeva*, цит. выше, и *Luluyev and Others v. Russia*, по. 69480/01, ECHR 2006 -...), Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, ситуацию, когда кого-то задерживают неуставленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие Вахида Мусиханова или каких-либо известий о нем в течение более шести лет подтверждает это предположение. В свете этих выводов и принимая во внимание конкретные обстоятельства данного дела, и в первую очередь значительный промежуток времени, с которого Вахид Мусиханов пропал без вести, Суд находит, что он должен быть признан умершим после его непризнаваемого задержания агентами Государства.

65. В отсутствие каких-либо правдоподобных объяснений со стороны Правительства относительно обстоятельств смерти Вахида Мусиханова, Суд считает, что Правительство не дало отчет относительно смерти родственника заявителей в ходе его задержания и что ответственность за предполагаемую смерть Вахида Мусиханова должна быть отнесена на счет Государства.

66. По указанным выше причинам Суд делает вывод, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в этом отношении.

В. Заявленная неадекватность расследования обстоятельств похищения

1. Доводы сторон

67. Заявители утверждали, что власти нарушили свое обязательство провести эффективное расследование обстоятельств исчезновения их родственника. Они заявляли, что расследование не соответствовало требованиям внутреннего законодательства и стандартам Конвенции. В частности, оно длилось несколько лет, но так и не принесло значимых результатов, следствие неоднократно приостанавливалось и возобновлялось. Заявители указали, что основные следственные мероприятия были предприняты только после коммуникации жалобы Правительству 7 июня 2005 года. Кроме того, следственные органы не информировали заявителей о постановлениях, касающихся приостановления и возобновления расследования или других, первый заявитель был признан потерпевшим по делу только 15 января 2003 года, т.е. спустя два месяца после возбуждения уголовного дела. Заявители

также утверждали, что власти не предприняли меры для установления личностей предполагаемых преступников, и, в частности, не проверили возможности причастности представителей федеральных сил к похищению их родственника. В подтверждение своего аргумента о неэффективности расследования заявители также сослались на отказ Правительства предоставить копию материалов уголовного дела по факту исчезновения Вахида Мусиханова.

68. Правительство утверждало, что расследование исчезновения мужа заявительницы соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, а также, что были предприняты все предусмотренные национальным законодательством меры для установления причастных к преступлению.

2. Оценка Суда

69. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь по Статье 2 Конвенции находится во взаимосвязи с общей обязанностью государства по Статье 1 Конвенции «обеспечива[ть] каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», также требует проведения какой-либо формы эффективного официального расследования в случае гибели людей в результате применения силы, в частности агентами государства. Расследование должно быть эффективным в смысле, что оно должно привести к установлению и наказанию виновных в преступлении (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 88, ECHR 1999-III). В этом контексте необходимо отметить обязательное наличие четкого требования о своевременности и разумных сроках проведения расследования (см. *Yaşa v. Turkey*, указанное выше, § 102-104; и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Следует признать возможность возникновения препятствий или трудностей, мешающих проведению расследования в конкретной ситуации. Однако незамедлительное реагирование властей путем расследования случаев применения силы, повлекшей лишение жизни, можно считать в целом необходимым для поддержания в обществе веры в верховенство закона и во избежание впечатления пособничества противоправным действиям или терпимого отношения к ним. По тем же причинам для обеспечения подотчетности не только в теории, но и на практике необходим элемент адекватного общественного контроля над ходом следствия и его результатами. Требуемая степень общественного контроля может быть разной в различных случаях. Однако во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процессуальных действиях в такой степени, в какой это необходимо для обеспечения его (ее) законных интересов (см. *Shanaghan v. the United Kingdom*, no. 37715/97, §§ 91-92, 4 мая 2001 г.).

70. В настоящем случае Суд отмечает, что в некотором объеме расследование исчезновения родственника заявителей проведено было. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции. Суд отмечает в этой связи, что данных о расследовании очень мало, так как Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела и ответить на конкретные вопросы Суда (см.

пункты 45-47 выше). Делая выводы из поведения Правительства при установлении фактов (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978 года, Серия А, пп.64-65, § 161), Суд будет оценивать существо жалобы на основании имеющихся у него сведений.

71. Суд отмечает, что, как было подтверждено Правительством, внутренние власти были уведомлены о похищении письменным заявлением третьего заявителя 10 ноября 2002 года (см. пункт 37 выше). Тем не менее, уголовное расследование по этому делу было возбуждено спустя 6 дней, т.е. 15 ноября 2002 года. Такая задержка сама по себе не является длительной; Суд обращает внимание на отсутствие каких-либо объяснений со стороны Правительства в связи с этим и считает, что эта задержка не может быть оправдана в ситуации, когда необходимы немедленные действия.

72. Суд далее отмечает, что Правительство не указало, какие конкретные меры были предприняты властями для расследования исчезновения родственника заявителей, кроме допроса первых трех заявителей и их двух соседей в качестве свидетелей, а также рассылки запросов в правоохранительные органы. Из материалов не следует, что какие-либо существенные попытки были предприняты расследованием, чтобы проверить причастность военнослужащих федеральных сил или сотрудников спецслужб к исчезновению Вахида Мусиханова. В частности, не очевидно, и Правительство не представило никаких данных или документов в этой связи, что было осмотрено место преступления, или что какие-либо беспристрастные усилия были направлены на установление других очевидцев, на установление проведения спецоперации в указанный период времени, на определение частей федеральных сил или спецслужб, располагавшихся около дома семьи Мусихановых. Суд также отмечает, что ответы на запросы, отправленные следователями в различные органы государственной власти, были сделаны с чрезмерной задержкой, например, ответы на запрос от 19 ноября 2002 года были подготовлены только 24 и 25 ноября 2005 года (см. пункт 39 выше), или не были сделаны совсем (см. пункты 40-41 выше).

73. Суд далее замечает, что имело неоправленное промедление с признанием первой заявительницы потерпевшей по делу. Со времени возбуждения следствия 15 ноября 2002 года и до 15 января 2003 года, когда первая заявительница была признана потерпевшей по делу, она не имела минимальных гарантий участия в уголовном процессе. Более того, первая заявительница не была должным образом информирована о ходе следствия.

74. В заключение, Суд отмечает, что следствие оставалось длящимся в период с ноября 2002 года по март 2003 года, затем оно было приостановлено примерно на 2 года и возобновлено только в августе 2005 года. Правительство не представило никаких объяснений такому длительному периоду бездействия. После возобновления следствие велось, по крайней мере, до октября 2005 года. Между ноябрем 2002 года и октябрем 2005 года оно четыре раза приостанавливалось и возобновлялось. Суд также отмечает, что, несмотря на его специальный запрос,

Правительство отказалось представить данные о ходе следствия после октября 2005 года.

75. Суд отмечает, ссылаясь на довод Правительства относительно того, что заявители якобы не обжаловали в суде действия или бездействие следователей, как это предусмотрено статьей 125 УПК РФ, что в ситуации, когда следствие неоднократно приостанавливают и возобновляют, когда заявителям не дают возможности ознакомиться с материалами дела ни на одном его этапе, когда о ходе расследования их информируют лишь от случая к случаю, весьма сомнительно, чтобы упоминаемое Правительством средство правовой защиты имело какие-то шансы на успех. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что данное средство правовой защиты могло бы обеспечить восстановление справедливости в ситуации заявителей – иными словами, что оно исправило бы недостатки следствия и привело бы к установлению и наказанию лиц, виновных в смерти родственников заявителей. Поэтому Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не было установлено с достаточной степенью достоверности, что предлагаемое Правительством средство правовой защиты было бы эффективно в том значении, в каком это предусмотрено Конвенцией. Суд считает, что заявители не были обязаны прибегать к этому средству и что в данной части предварительные возражения Правительства следует отклонить.

76. В свете вышесказанного и в связи с указанными выше заключениями относительно замечаний Правительства, Суд приходит к выводу, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Вахида Мусиханова. Поэтому Суд постановляет, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

77. Заявители жаловались, что они пережили стресс и душевные страдания в связи с исчезновением их близкого родственника, а также в связи с неспособностью государства провести тщательное расследование в этом отношении. Они сослались на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию».

78. Заявители жаловались, что они испытали серьезные моральные переживания, которые подпадают в значение Статьи 3 Конвенции, ввиду безразличного отношения государства к исчезновению их родственника и его продолжающейся неспособности проинформировать их о ходе расследования.

79. Правительство указало, что «по материалам уголовного дела нельзя дать оценку душевным страданиям, горю и переживаниям заявителей», какие-либо действия, направленные на «унижение достоинства, наказание и пытки» заявителей должностными лицами не предпринимались, и в связи с этим положения статьи 3 Конвенции к заявителям неприменимы.

80. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особую степень и характер, отличные от эмоционального расстройства, которое можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие факторы включают крепость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и реакцию властей на подобные запросы. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, но скорее относится к реакции и позиции властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что сам является жертвой действий властей (см., среди прочего, *Orhan*, цит. выше, § 358).

81. В настоящем деле Суд отмечает, что пропавший был сыном первого и второго заявителей, мужем третьей заявительницы и отцом четвертого, пятого, шестого и седьмого заявителей, племянником восьмого заявителя и братом девятого, десятого и одиннадцатого заявителей. Суд отмечает, во-первых, что седьмой заявитель родился через месяц после исчезновения Вахида Мусиханова, и, таким образом, он, очевидно, не может заявлять, что был жертвой предполагаемого нарушения по Статье 3. Суд далее отмечает, что упомянутые заявители, кроме второго и восьмого, были свидетелями его задержания. С другой стороны, очевидно, что только первые три заявителя обращались с разными ходатайствами и запросами во внутренние правоохранительные инстанции в связи с исчезновением Вахида Мусиханова. Нет никаких доказательств, предъявленных Суду, что кто-то из других членов семьи принимал участие в розысках Вахида Мусиханова (см. для сравнения *Luluyev and Others*, cited above, § 112). В таких обстоятельствах, принимая во внимание, что события 9 ноября 2002 года могли быть причиной серьезных переживаний четвертого, пятого, шестого, восьмого, девятого, десятого и одиннадцатого заявителей, Суд не может заключить, что их моральные страдания отличались от обычных эмоциональных переживаний в ситуации, подобной данному делу, и что они были столь серьезны, чтобы подпадать под действие Статьи 3 Конвенции.

82. В отношении первых трех заявителей Суд считает, что в течение шести лет, в которые Вахид Мусиханов считается пропавшим, они постоянно обращались в различные органы государственной власти с запросами о нем, как в письменной форме, так и лично. Несмотря на свои усилия, заявители так и не получили правдоподобного объяснения или какой-либо информации о судьбе члена своей семьи после его задержания. Ответы, полученные заявителями, в большинстве своем отрицали ответственность Государства за его задержание или просто информировали, что следствие продолжалось. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

83. В свете вышеизложенного Суд считает, что первый, второй и третий заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения члена их семьи и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на ее жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

84. Из этого Суд делает вывод, что в отношении первого, второго и третьего заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции. Он также находит, что не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении четвертого - одиннадцатого заявителей.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

85. Заявители далее указали, что положения Статьи 5 Конвенции в целом, касающиеся незаконного задержания и запрета на произвол, были нарушены в отношении Вахида Мусиханова. Статья 5 Конвенции, в соответствующей части, гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законный арест или задержание лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждое арестованное в соответствии с положениями пункта 1 (с) данной статьи лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто был жертвой ареста или содержания под стражей, произведенных в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой».

86. Заявители утверждали, что задержание Вахида Мусиханова не удовлетворяет ни одному из условий, предусмотренных в статье 5 Конвенции, так как оно не имело оснований по национальному праву и было осуществлено вопреки установленной законом процедуры и не было формально зарегистрировано.

87. По мнению Правительства, у следствия не было данных, которые подтверждали бы, что родственник заявителей был лишен свободы в нарушение гарантий, предусмотренных Статьей % Конвенции. Вахид

Мусиханов не числился в списках находящихся в центрах содержания, и его право на свободу не было нарушено представителями Государства.

88. Суд уже подчеркивал основополагающую важность гарантий, содержащихся в Статье 5 и обеспечивающих право личности в демократическом сообществе быть свободными от произвольного задержания властей. Учитывая обязанность властей, предусматривающую несение ответственности за находящихся под их контролем лиц, Статья 5 требует от них принятия эффективных мер по избеганию риска исчезновения, а также по проведению своевременного и эффективного расследования обоснованных утверждений о том, что лицо не видели с тех пор, как оно было помещено под стражу. Для уменьшения риска произвольного задержания, Статья 5 предусматривает ряд материальных прав, направленных на обеспечение того, чтобы действия по лишению свободы были открытыми для независимой судебной проверки, и обеспечение ответственности властей за применение данной меры. Непризнанное задержание индивида представляет собой полное отрицание данных гарантий и является наиболее тяжким нарушением Статьи 5 (см., среди прочего, *Çakici v. Turkey*, цит. выше, § 104).

89. Суд считает установленным, что Вахид Мусиханов был задержан 9 ноября 2002 года представителями Государства и отсутствует с тех пор. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальных сведений о его дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. В соответствии с практикой Суда, сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

90. Суд также считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите Вахида Мусиханова от риска исчезновения.

91. Следовательно, Суд считает, что Вахид Мусиханов подвергся неизвестному задержанию и был лишен гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

92. Заявители жаловались, что они были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений Статей 2, 3 и 5 Конвенции, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый человек, чьи права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции, нарушены, располагает эффективными средствами правовой защиты перед государственными органами даже, если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

93. Заявители жаловались, что в их деле обычно доступные национальные средства правовой защиты показали себя неэффективными, учитывая, что расследование продолжалось более трех лет без какого-либо результата, а все их обращения к органам власти оставались без ответа либо приводили к отправке стандартных отписок.

94. Правительство заявило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, как того требует Статья 13 Конвенции, и что российские власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Правительство утверждало, что расследование похищения родственника заявителей было возбуждено и что «родственники исчезнувшего лица были признаны потерпевшими по делу и получали обоснованные ответы на все свои обращения, сделанные в ходе следствия». Оно также заявляло, что согласно Статье 125 УК РФ, заявители могли обратиться с жалобой на действия следственных органов в суд, или, если заявители обжаловали действия или бездействия государственных органов, они могли требовать компенсации морального ущерба на основании соответствующих положений Российского гражданского кодекса. В подтверждение этого довода, Правительство сослалось на постановление Верховного Суда Карачаево-Черкесии от 19 октября 2004 года, согласно которому истцу была присуждена компенсация морального вреда за незаконные действия сотрудников прокуратуры. Правительство не представило копии этого постановления.

95. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу "потенциально достоверной" жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государствам дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем правовое средство, требуемое статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (цитируемое выше постановление по делу *Aksoy*, § 95).

96. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию ответственных за лишение жизни и за противоречащее Статье 3 обращение, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyyla Aydin v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, цит. выше, § 384).

97. В свете вышеуказанных выводов Суда в отношении Статьи 2, данная жалоба, очевидно, является «доказанной» в целях Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988, Серия А no. 131, § 52). Заявители должны были соответствующим образом воспользоваться эффективными и целесообразными средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных, а также к присуждению компенсации в целях Статьи 13.

98. Из этого следует, что при обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. п. 76 выше) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. среди прочего *Musayeva and Others v. Russia*, no. 74239/01, § 118, 26 июля 2007, или *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 117, 15 ноября 2007). Суд, таким образом, отклоняет довод Правительства о наличии эффективных мер уголовного и гражданского права и находит установленным, что имеет место нарушение Статьи 13 в сочетании со статьей 2 Конвенции.

99. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции в части душевных страданий заявителей, Судом было установлено, что первые три заявителя испытывали и продолжают испытывать моральные страдания среди прочего и по причине неспособности властей провести соответствующее расследование исчезновения их родственника (см. пункты 82-83 выше). Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части отсутствия надежных средств правовой защиты в ситуации, подобной той, в которой оказались заявители, когда следствие было неэффективным. Принимая во внимание вышесказанное, Суд считает, что жалоба заявителей по Статье 13 в связи со Статьей 3 относится к нарушениям Статьи 13 в связи со Статьей 2 Конвенции. Из этого следует, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

100. Относительно жалобы по Статье 13 в связи со Статьей 3, как она была подана всеми заявителями, Суд ссылается на то, что она была признана необоснованной относительно четвертого - одиннадцатого заявителей. В отсутствие «доказуемого заявления» о нарушении

материального положения Конвенции, Суд считает, что нарушения Статьи 13 в отношении этих заявителей не было.

101. И, наконец, что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд ссылается к его решению относительно нарушения этого положения, изложенному выше. В свете этого Суд считает, что никаких дополнительных вопросов не возникает относительно Статьи 13, рассматриваемой в совокупности со Статьей 5 Конвенции, которая сама содержит процессуальные гарантии, связанные с законностью задержания.

VI. РАССМОТРЕНИЕ СТАТЕЙ 34 И 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

102. Заявители утверждали, что отказ Правительства предоставить материалы уголовного дела №61149, нарушая свои обязательства по Статье 34 и Статье 38 § 1 (a) Конвенции. Соответствующие части данных Статей гласят:

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

«1. В случае, когда Суд принимает переданную ему жалобу, он:

(a) предпринимает, совместно с представителями сторон, изучение дела и, если это необходимо, расследование, для эффективного ведения которого заинтересованные Государства создают все необходимые условия; ...»

103. Заявители предложили Суду считать факт того, что Правительство в ответ на требование Суда отказалось предоставить копию всех материалов следствия по делу, несовместимым с его обязательствами по Статье 34 и Статье 38 § 1 (a) Конвенции.

104. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Оно также заявило, что принимает во внимание возможность, предоставляемую Правил 33 Правил Суда об обеспечении конфиденциальности представленных материалов, но заметило, что Суд не может гарантировать, что раскрытые заявителям или их представителям материалы не станут публичными. По мнению Правительства, в отсутствие санкций в отношении заявителей за раскрытие секретной информации или материалов нет гарантий исполнения ими требований Конвенции и Регламента Суда.

105. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. цитируемое выше постановление по делу *Tanrikulu*, [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). В исполнение данного обязательства Государства

должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или выполняет свои обязанности общего характера по рассмотрению жалоб. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством-ответчиком его обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, по. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI). В деле, в котором заявители поднимают вопрос об эффективности расследования, материалы уголовного дела крайне существенны для установления фактов и их отсутствие может препятствовать надлежащему изучению Судом, как на стадии приемлемости, так и при рассмотрении дела по существу (см. *Tanrikulu*, цит. выше, § 70).

106. Суд отмечает, что он несколько раз просил Правительство предоставить копии материалов уголовного дела, возбужденного по факту исчезновения родственника заявителей. Данные, содержащиеся в этих материалах, расценивались Судом как существенные для установления фактов настоящего дела. В ответ Правительство подало только копии постановлений о возбуждении, приостановлении и возобновлении следствия. Ссылаясь на статью 161 УПК РФ, Правительство отказалось представить другие материалы уголовного дела, такие как протоколы допросов свидетелей, отчеты о ходе расследования и других мероприятий.

107. Суд отмечает, что Правительство не просило о применении Правила 33 § 2 Регламента Суда, разрешающего ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Далее Суд отмечает, что положения Статьи 161 УПК, на которые ссылается Правительство, не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации. Правительство не объяснило, каким образом представление запрошенных материалов повлияет на интересы следствия ли вовлеченных лиц (см. *Mikheyev v. Russia*, по. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года). Суд также указывает на некоторые рассматриваемые Судом похожие жалобы, где в ответ на аналогичные запросы Правительство РФ представило документы из материалов дела без ссылок на Статью 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и 57945/00, § 46, 24 февраля 2005, или *Magomadov and Magomadov v. Russia*, № 68004/01, §§ 36 и 82, 12 июля 2007), или согласилось предоставить материалы уголовного дела даже если изначально ссылались на Статью 161 (см. *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, §§ 62-63).). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства относительно предоставления материалов дела недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

108. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи исчезновением родственника заявителей.

109. В связи с указанным выше, Суд заключает, что нет необходимости поднимать отдельное рассмотрение по Статье 34.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

110. Статья 41 Конвенции устанавливает:

«Если Суд считает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Возмещение материального ущерба

111. Третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой заявители утверждали, что потеряли финансовую поддержку, которую им оказывал Вахид Мусиханов. Они утверждали, что Вахид Мусиханов намеревался начать работать в местной милиции в той же должности, что и девятый заявитель. Они предъявили справку, выданную в июне 2007 года, в которой говорилось, что заработок девятого заявителя в мае 2007 года составлял 11 904 российских рубля (примерно 330 евро). Третий — седьмой заявители сообщили, заработная плата Вахида Мусиханова могла бы быть такой же. Они заявили, что могли бы рассчитывать на 70 процентов заработка Вахида и по этому основанию они могли бы получать его финансовую поддержку в размере 2 400 874,45 российских рублей (около 67 000 евро). Расчеты заявителей основаны на указанной выше справке и на актуарных таблицах для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2004 году («Огденские таблицы - Ogden tables»), так как адекватный метод исчисления отсутствует в России.

112. Правительство заявило, что указанные требования необоснованны, так как на момент исчезновения родственник заявителей был безработным.

113. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см., среди других прецедентов, *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 127, ECHR 1999-IV). Суд считает, что здесь, в самом деле, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственника заявителей и потерей третьим-седьмым заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им оказывать. Суд, однако, не

согласен с суммой заявленных требований, в частности, потому что Вахид Мусиханов был безработным на момент его исчезновения и только намеревался начать работать. Учитывая эти соображения, Суд присуждает заявителям совместно 15,000 евро в виде компенсации материального ущерба, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

А. Возмещение морального ущерба

114. Относительно морального вреда, заявители требовали компенсации за эмоциональный стресс, переживания и травмы, которым они подверглись в результате потери своего родственника, а также от безразличия, проявленного российскими властями в ходе расследования этого случая, его отношении и отказа в предоставлении сведений о его судьбе. Заявители в целом потребовали 226,000 евро, которые складывались из следующих расчетов:

- i. первый и второй заявители потребовали 30,000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда за потерю сына;
- ii. третья заявительница потребовала 50,000 евро в качестве компенсации морального вреда за потерю мужа;
- iii. четвертый, пятый, шестой и седьмой заявители потребовали 25,000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда за потерю отца;
- iv. восьмой заявитель потребовал 1,000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда за потерю племянника;
- v. девятый, десятый и одиннадцатый заявители потребовали 5,000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда за потерю брата.

115. Правительство сочло запрошенные суммы компенсации завышенными и необоснованными.

116. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявителей, непроведения эффективного расследования по данному факту и отсутствия эффективных средств защиты от заявленных нарушений прав. Суд также нашел нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий, пережитых первым, вторым и третьим заявителями и нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в отношении отказа Правительства представить материалы, запрошенные Судом. Заявители пережили страдания и стресс в результате всех этих обстоятельств, которые не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушений прав. Принимая во внимание эти выводы, Суд присуждает 15 000 евро первому и второму заявителю совместно, 20 000 евро третьему, четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно и по 1 000 евро восьмому, девятому, десятому и одиннадцатому заявителям каждому, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

117. Заявителей представляли юристы организации «Правовая инициатива по России». Они подали перечень понесенных издержек и расходов, включая расследования и опросы в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов для Суда и органов государственной власти по ставке 50 евро в час для юристов организации «Правовая инициатива по России» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая требуемая сумма в части расходов и затрат по официальному представлению интересов заявительницы составила 10,535.94 евро; в эту сумму вошли 8,900 евро за 67 часов, потраченных представителями на подготовку самой жалобы и дальнейших замечаний от имени заявителей, 968,50 евро за переводы, 26,44 евро за услуги курьерской почты для отправки корреспонденции в Суд и 623 евро за административные расходы (7% представительских расходов).

118. Правительство указало на то, что оно имеет право возместить только те издержки и расходы, которые действительно были понесены и являлись разумными. Правительство также указало, что двое юристов «Правовой инициативы по России», которые подписали замечания заявителей по существу дела, не были указаны в доверенностях.

119. Суд отмечает, что заявители выдали доверенности на представление их интересов организации «Правовая инициатива по России». Доказано, что юристы, указанные в ее заявлении, являлись частью штата организации «Правовая инициатива по России». Соответственно, возражение должно быть отклонено.

120. Суд напоминает, что выплата расходов и издержек по Статье 41 не может быть присуждена, если не установлено, что они были действительно необходимыми и разумными (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI). Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, как только подготовка первоначальной жалобы была завершена, дело не требовало подготовки большого объема письменных доказательств и поэтому Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями заявителей.

121. В таких обстоятельствах, учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им сумму в 8,000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи в Совете Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на банковский счет представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

122. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Вахида Мусиханова;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Вахида Мусиханова;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий первого, второго и третьего заявителей в результате исчезновения их близкого родственника и отсутствия эффективного расследования в этой связи;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей с четвертого по одиннадцатый;
6. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Вахида Мусиханова;
7. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
8. *Постановляет*, что нет оснований для отдельного рассмотрения вопроса о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемого нарушения Статьи 3 в отношении пережитых душевных страданий первого, второго и третьего заявителей и связи с предполагаемым нарушением Статьи 5 Конвенции;
9. *Постановляет*, что не было нарушения Статьи 13 Конвенции в части предполагаемого нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей с четвертого по одиннадцатый;
10. *Постановляет*, что имело место нарушение Правительством Статьи 38 § 1 (а) Конвенции, вследствие отказа Правительства предоставить материалы, затребованные Судом;
11. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, произвести следующие выплаты, все из которых, кроме выплат на счет представителей в банке в Нидерландах, должны быть конвертируемы в российские рубли по курсу на дату выплаты:
 - (i) 15,000 (пятнадцать тысяч) евро третьему четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно в качестве компенсации материального ущерба;
 - (ii) 15,000 (пятнадцать тысяч) евро первому и второму заявителям совместно, 20,000 (двадцать тысяч) евро третьему, четвертому, пятому, шестому и седьмому заявителям совместно и по 1,000 (одной тысячи) евро восьмому, девятому, десятому и одиннадцатому заявителям каждому в качестве компенсации морального ущерба;
 - (iii) 7,150 (семь тысяч сто пятьдесят) евро в оплату издержек и расходов на счет банка представителей заявителей в Нидерландах;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

12. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 4 декабря 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен
Регистратор

Кристос Розакис
Председатель

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список заявителей:

1. Г-жа Яхита Ибрагимовна Мусиханова, 1951 г.р.,
2. Г-н Ваха Идизович¹ Мусиханов, 1949 г.р.,
3. Г-жа Луиза Изноровна Умышева (Мусиханова), 1975 г.р.,
4. Г-жа Марха Вахидовна Мусиханова, 1995 г.р.,
5. Г-жа Седа Вахидовна Мусиханова, 1997 г.р.,
6. Г-н Ноха Вахидович Мусиханов, 2001 г.р.,
7. Г-н Наиб Вахидович Мусиханов, 2002 г.р.,
8. Г-жа Асият Идисовна Мусиханова, 1953 г.р.,
9. Г-н Валид Вахаевич Мусиханов, 1980 г.р.,
10. Г-н Роман Вахаевич Мусиханов, 1983 г.р.,
11. Г-н Тимур Вахаевич Мусиханов, 1986 г.р.

¹ Исправлено 27 июля 2009 года: изначально было «Идисович»